

УДК 008

С. Н. Скоринов

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ 30–80-Х ГОДОВ XX ВЕКА
КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
АБОРИГЕНОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

В статье на основе разнообразного этнокультурологического материала реконструируется государственная обрядность общегражданского и профессионального значения, бытовавшая в 30–80-е годы XX века у нивхов и тунгусо-маньчжуров – нанайцев, негидальцев, ульчей, удэгейцев, уйльта, орочей, утверждается идея об устойчивости народной традиции и ее способности к трансформации и адаптации к иннокультурным влияниям.

Ключевые слова: духовная культура, феномен, мифология, праздник, ритуал, современная обрядность, традиция, этнос, аборигены.

S. N. Skorinov

**STATE CEREMONIES OF CIVIL AND PROFESSIONAL IMPORTANCE
OF 30–80-S OF THE 20TH CENTURY AS PHENOMENON OF MODERN
SPIRITUAL CULTURE OF THE NATIVES LIVING
IN THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST**

The article reconstructs the Nivkhi's and the Tunguso-Manchzhuri's (The Nanajtsi, the Neguidaltsi, the Ulchi, the Udeguejtsi, the Ujlta, the Orochi) state ceremonies of 30–80s of the 20th century that had civil and professional importance on the base of ethno culturological material and supports the idea of folk custom stability and ability to transform and adapt to another culture.

Keywords: spiritual culture, phenomenon, mythology, celebration, ritual, modern ceremony, tradition, ethnos, aboriginal.

Представления о вселенной, времени, пространстве, природе, личности и обществе нивхов и тунгусо-маньчжуров юга Дальнего Востока России в 30–80-е годы XX века существенно отличались от предыдущих – традиционных мифологических и религиозных воззрений. Это было обусловлено, прежде всего, произошедшими стадийными изменениями базисных основ социума, преобразованиями общественного и индивидуального сознания, что, в конечном итоге, повлекло за собой структурную перестройку всех сторон жизни и деятельности их патриархального родового сообщества.

Как известно, в годы советской власти государственная политика приобрела своеобразную форму патроната «старшего брата» – русского этноса и его культуры – над «младшим братом» – «малыми», как тогда говорили, народами. Признавая в силу закономерностей развития мирового исторического процесса необходимость и правомерность, особенно на первых этапах этнокультурного взаимодействия, оказания всесторонней помощи в ликвидации неграмотности и приобщения аборигенов к достижениям общечеловеческой культуры во всех областях жизни, тем не менее, следует отметить и грубые просчеты в советской национальной политике, выразившиеся в упрощенных подходах в ее планировании и осуществлении,

непонимании стадийных и этнических особенностей развития народов России, в том числе и дальневосточных этносов, что в результате неоправданно инициировало среди них процессы ассимиляции, нивелирования, а вернее было бы сказать, умерщвления их оригинальной мифологии и культуры.

Советская обрядность таких коренных малочисленных народов Приамурья и Сахалина, как нивхов, нанайцев, негидальцев, ульчей, удэгейцев, уйльта, орочей, характеризуется наличием в ней разновременных, стадийно и этнокультурно различных мифообрядовых комплексов, их элементов и деталей. Ее составляющими частями являлись государственные, общегражданские, профессиональные ритуалы, рожденные в послереволюционное время; заимствованная инокультурная обрядность народов России и ортодоксальные элементы традиционных мифов и обрядов. Примечательно то, что особое внимание существовавших в те времена государственных и партийных органов было обращено на внедрение и поддержку официальной партийно-государственной мифологии и обрядности. По отношению к обрядам семейно-бытового назначения политика государства осуществлялась в основном кампанийским образом. Как правило, действия носили стихийный, волюнтаристский, глубоко не продуманный и научно не обоснованный

характер. Времена активных репрессивных мер в борьбе с пережитками и религиозными суевериями сменялись пассивными и нейтрально безразличными «оттепелями».

Под государственными обрядами общегосударственного и профессионального значения нами понимается особая разновидность общей календарной обрядности, представляющая собой всю совокупность официально признанных и законом государства закрепленных обрядовых действий. Современный процесс мифообрядового творения, как и архаический, представляет собой во многом синкретический акт, в котором сопрягаются интеллектуальная личностная и стихийная, массовая по характеру и поэтому слабо поддающаяся управлению человеческая деятельность. Успех ритуалотворения – в гармонии мифостихий: в фантазии гениев и действиях масс.

Отличительной чертой данного типа обрядности является, прежде всего, ее праздничный характер. В общих чертах, сравнивая современный праздник с его первобытным прототипом, можно отметить, что обновлению и адаптации к новым историческим условиям подвержены как содержательная, так и формальная сторона, но неизменным остается его архетипическая сущность.

Опросы респондентов из коренных малочисленных народов Амура и Сахалина показали, что принятие новой обрядности проходило противоречиво и болезненно. По существу история не предоставила аборигенам права альтернативного выбора своей судьбы, и поэтому автор настоящей работы воздерживается от неэтичных, по его мнению, оценок о «добровольном и сознательном» принятии ими советского образа жизни, ее официальной и бытовой мифологии и обрядности, как впрочем и дореволюционной российской. Возможно, в несвободе выбора исторического пути и лежат глубинные корни экономической, социальной, политической и

духовной апатии и инфантилизма этих народов, угрожающие им этнической смертью.

Таким образом, по отношению к коренным малочисленным народам юга Дальней России и, в частности, по поводу происхождения у них современной обрядности больше приемлемы такие выражения, как «вынужденная необходимость». В данном случае советское государство использовало весь арсенал своего воздействия: от материальной и моральной заинтересованности до особых репрессивных мер.

Процесс адаптации нового для духовного бытия амурских и сахалинских аборигенов явления государственной обрядности имел протяженность во времени. Он непосредственно нами увязывается со всем комплексом преобразовательной политики в области экономической, социальной и просветительско-образовательной и другой деятельности советского государства, с осознанием этносами своей новой гражданской роли. Особое значение в консолидации советского общества, принятии всеми малочисленными народами Амура и Сахалина общегосударственного ритуала имела Великая Отечественная война, на фронтах и в тылу которой вместе с другими народами воевало и трудилось подавляющее большинство взрослого аборигенного населения. Анализ исторического развития современной аборигенной обрядности приводит автора работы к выводу о том, что к 80-м годам XX века коренное население осознало духовную сущность нового типа обрядности и в подавляющем числе уже на новом этапе своего бытования приняло ее, при этом принеся на жертвенный алтарь своего духовного обновления традиционную мифологию и культуру своих предков.

К обрядам общегосударственного и профессионального значения, отмечаемым аборигенами Амура и Сахалина в 30–80-е годы XX столетия, следует отнести официально утвержденные в разные годы праздники –

Великой Октябрьской социалистической революции, Международной солидарности трудящихся 1 Мая, Победы 9 Мая, Советской Конституции, Международного женского дня 8 Марта, Нового года и многообразных профессиональных праздников, соответствующих ведущим отраслям народного хозяйства и в своей календарной совокупности символизирующих торжество человека труда и союз пролетариата с крестьянством и интеллигенцией: День рыбака, нефтяника, работников леса, учителя, работников здравоохранения и т. д. – в зависимости от профессиональной принадлежности носителей аборигенной культуры.

Коренные малочисленные народы Амура и Сахалина отмечали праздники общегражданского назначения так же, как и все остальные советские народы, населяющие не только юг Дальнего Востока, но и всю Советскую Россию. Обычно аборигены-горожане принимали участие в торжественных собраниях, проводимых партийными и исполнительными комитетами, администрациями предприятий, в общегородских и районных демонстрациях и манифестациях, в массовых гуляньях, концертах художественной самодеятельности и в других мероприятиях. По традиции в эти дни чествовали почетных и уважаемых людей, победителей социалистического соревнования, передовиков производства, ветеранов партии, комсомола, труда, Великой Отечественной войны, участников Гражданской войны и освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов.

В сельской местности было меньше формальной торжественности, но в зависимости от численности жителей устраивались митинги на центральной площади села, которая предварительно украшалась лозунгами и плакатами с официальными изречениями и призывами. Обязательным атрибутом праздника было праздничное застолье. В 70–80-е годы прошлого века оно сопровождалось обильными угощениями и упо-

реблением спиртных напитков. Центром коллективного общения селян были клубы и дома культуры, где в эти дни проводились вечера отдыха, выступления художественной самодеятельности, показ кинофильмов.

После Великой Отечественной войны 1941–1945 годов появился в календаре новый праздник – День Победы. Он отмечался всенародно в СССР, в том числе и коренными малочисленными народами Дальнего Востока, так как к этому общегражданскому событию ощущал свою сопричастность каждый человек в стране. Накануне и в день праздника на официальном и семейно-бытовом уровнях чествовали фронтовиков, впоследствии и тружеников тыла, поминали чаркой водки погибших.

В отношении Дня Конституции наши информаторы затруднялись что-либо сказать. В их рассуждениях этот день не ассоциировался по-настоящему с праздничным днем. Фактически он проходил для всех как дополнительный день отдыха и использовался в различных целях в зависимости от конкретных обстоятельств. В большинстве случаев его проводили в домашних делах и хлопотах. Это явление не было характерным только для аборигенов. В советский период в силу идеологических установок правящей коммунистической партии не сложилось определенной праздничной обрядности, отражавшей сущность и идею конституционной законности и права.

Новым явлением в обрядовой практике коренных малочисленных народов Приамурья и Сахалина стал день 8 Марта. По сведениям большинства наших респондентов – представителей старшего поколения, в их семьях, когда они были маленькими, женский праздник не отмечался. Активно стали его праздновать с 60-х годов XX века: вначале аборигенное население, проживающее в городах и получившее образование, а затем он распространился и среди сельчан. В беседах аборигенные женщины признава-

лись автору, что этот праздник осознается ими как важный и необходимый элемент современной мифообрядовой практики, потому что в основе его заложены благородные общечеловеческие идеи уважения к светлomu женскому началу и матери-прародительнице. Примечательно, что данные мысли аборигенных женщин сходны с высказываниями большинства женщин других национальностей России.

Накануне праздника по предприятиям, а также на городском, районном уровнях проводились торжественные собрания – чествования женщин тружениц, матерей с обязательным вручением подарков. Надо отметить, что в тех случаях, когда материальные возможности государственных предприятий и учреждений, а также профсоюзных комитетов и организаций были ограничены, всё равно в большинстве из них праздничный стол и сувениры от мужчин были традиционным явлением. Средства для организации угощения и приобретения сувениров собирались в складчину, как мужчинами, так и женщинами. Одной из важных традиций, сформировавшихся под русским влиянием, являлось поздравление учениками женщин-учителей и преподнесение им сувениров, подарков, а где было возможно, и цветов. Примечательно, что в 70–80-х годах распространилась необычная традиция отмечать день 8 Марта и среди школьников, особенно старших классов, а также учащихся училищ, техникумов, студентов вузов. Этому празднику посвящались вечера отдыха, юноши вручали девушкам сувениры.

Особое значение как факт проникновения официального праздника в быт этноса приобретает обозначенная в 70-х годах тенденция – в день 8 Марта чествовать мать. Это явление новое для аборигенной традиции, но не чуждое ей по своей природе, так как и информаторы, и этнографы-североведы постоянно отмечали уважительное отноше-

ние мужчины к женщине, детей к матери. Обычно в день 8 Марта дети собирались у родителей, при отсутствии их из-за смерти или из-за дальности их местожительства – у старших родственников. Предпочтение в таких случаях отдавалось родственникам по отцовской линии, в чем нами обнаруживаются сохраняющиеся пережитки ортодоксальных брачно-семейных отношений. При этом надо заметить, что большинство нами опрошенных респондентов свой выбор определенных лиц родственников мотивировали не традицией, а сложившимися между ними добрыми и уважительными отношениями.

В день 8 Марта всеми присутствующими за праздничным столом поздравлялись мать, а также все женщины – дочери, невестки и гости. Мужчины вручали подарки. Редким явлением в 80-е годы были цветы. Это объясняется не только их отсутствием на рынках и в магазинах северных районов Хабаровского края и Сахалинской области, особенно в сельской местности, но и несформировавшейся эстетической потребностью и вкусами как женщин, так и мужчин, отдававших предпочтение больше материальной, утилитарной стороне подарка, чем эстетической.

Интересно, что, несмотря на пропагандирующуюся, особенно в 80-е годы XX века, во всех средствах массовой информации традицию приготовления праздничных угощений и обслуживания в этот день стола мужчинами, данную работу осуществляли женщины. Все опрошенные нами женщины и мужчины подтвердили данное обстоятельство. Но при этом было замечено, что женщины не усматривали в этом какого-либо неуважительного отношения к себе со стороны мужчин. В этом факте отмечается устойчивость у аборигенов древнего ритуала, связанного с распределением межполовых ролевых функций в домашних делах, когда женскими обязанностями признавались приготовление пищи и прислуживание гостям за столом.

Наряду с женским днем, аборигенами Амура и Сахалина, как и другими народами СССР, отмечался День Советской армии и флота, хотя он и не был обозначен в календаре красным выходным днем. Это было вызвано рядом причин: во-первых, экономическими условиями милитаризованного государства и идеологическими установками коммунистической партии и правительства на создание культа уважения воина-защитника социалистического Отечества; во-вторых, большинство мужского населения ощущало свое непосредственное отношение к этому празднику, проходя действительную службу в рядах вооруженных сил страны; в-третьих, большую роль в признании этого праздника сыграли ветераны Великой Отечественной войны, внося в него священную и понятную всем народам идею защиты Родины от иноземных захватчиков; в-четвертых, в стремлении и женщин, и мужчин создать по аналогии с женским днем 8 Марта особый праздник для мужчин и другие. В этой связи примечательным является тот факт, что уже в XXI веке 23 февраля стал красным днем календаря и отмечается сегодня как День защитника Отечества.

По высказываниям самих аборигенов, День Советской армии и флота еще в 80-е годы XX века ассоциировался ими в широком смысле как День защитника Отечества, мужской доблести и силы. Поэтому на неформальном уровне и на производстве, и в учреждениях, учебных коллективах, а также домашних условиях проводились чествование мужчин, вручение им скромных подарков и сувениров. Отметим, что на официальном уровне чествовали в этот день только воинов действующей армии и флота. В отличие от женского праздника данный день отмечался скромно, без обильных застолий и угощений и использовался женщинами в качестве особого знака уважения и признания мужчин.

Определенные категории рабочей, студенческой и учащейся молодежи, дети начального и среднего школьного возраста принимали участие в ритуальной деятельности единственных тогда в стране комсомольской и пионерской организациях. Под руководством территориальных комсомольских комитетов, органов народного образования, школьных педагогических коллективов и пионерских вожатых дети и молодежь отмечали молодежные и детские праздники – День рождения комсомола (29 октября) и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина (19 мая), День советской молодежи (последний выходной день июня), Всемирный день защиты детей (1 июня).

Данные праздники, как правило, носили несколько заорганизованный и в какой-то степени формальный характер. Главный смысл их, согласно официальной идеологической доктрине правящей коммунистической партии, заключался в приобщении молодежи к революционным, боевым и трудовым традициям старших поколений, презентации «счастливого детства» и «множества дорог» для молодых жителей страны Советов.

Согласно проведенному нами в 2012 году опросу аборигенов по поводу их отношения к бытовавшим в советское время молодежным и детским праздникам, большинство из них, признавая их излишнюю политизированную окраску, высказали сожаление о том, что современная молодежь лишена торжественного, эстетического и эмоционального времяпрепровождения.

Особое значение в аборигенных семьях приобрел Новый год, исторические корни которого уходят в первобытную древность, в языческую мифологию и культуру. Из-за сложившихся для аборигенных этносов обстоятельств ими был перенят российский вариант общеевропейского новогоднего обряда. Новогодний ритуал для традиционной аборигенной культуры – явление достаточно новое. По всей вероятности, в прошлом ко-

ренные малочисленные народы юга Дальнего Востока России были знакомы с восточными вариантами новогодней обрядности японского, китайского и корейского образца. Но все-таки современное новогоднее празднество ими было воспринято именно в форме российской культурной этномодели.

Как правило, Новый год отмечался аборигенами в кругу семьи и друзей. В этот день родственники собирались у старших – в основном родителей или близких к ним людей. Хотя в 70–80-х годах среди горожан и селян были часты случаи, когда новогодний праздник отмечался в кругу друзей и знакомых различных национальностей.

На Новый год аборигены обязательно надевали нарядные одежды. Приготавливалось праздничное угощение, включающее в себя как определенный ритуальный элемент различные кушанья из рыбы: это традиционные блюда амуро-сахалинской кухни – тала или строганина из различных пород рыбы, кетовая икра, *мос* и другая разновидность рыбного студня и т. д. Также к этому праздничному столу готовились и мясные блюда. Для чего в селах резался домашний скот или птица. Особую ценность представляла таежная дичь, особенно медвежье мясо, что всегда вызывало у присутствующих особое эмоциональное возбуждение. При поедании мяса медведя родственники и гости пробовали соблюдать древние обычаи: самые лакомые части – сердце, язык, печень подавали старшим, но при этом необязательно, чтобы они были из рода зятьев. Надо сказать, что данный факт не может рассматриваться в качестве мифоритуального, он больше имеет историко-познавательное и игровое значение, так как старики и мужчины, удовлетворенные самим актом их уважения и признания, приглашали всех присутствующих и женщин, и детей угощаться предлагаемыми деликатесами.

Обыкновенно в Новый год употреблялись и спиртные напитки. В качестве тради-

ции в 80-х годах большинство аборигенов, в основном из числа молодого и среднего возраста, считали необходимым встретить Новый год бокалом шампанского вина и благопожеланиями себе, родным, близким друзьям и знакомым. Одними из веселых и популярных среди аборигенов были и элементы новогоднего народного карнавала с ряжением, масками, танцами и песнями. Из костюмов аборигены предпочитали традиционные народные одежды, медвежьи шкуры, представляли и разыгрывали из себя рыбаков и охотников и т. д. Отметим, что совместно проживающие с ними в селениях лица других национальностей также с удовольствием обряжались в их национальные костюмы и под одобрительные возгласы аборигенов подражали им в движениях, танцах, пении и речи. В праздничные дни организовывались различные спортивные игры и забавы. Излюбленными считались во многом импровизированные катания и даже гонки на нартах, где они к тому времени сохранились, или на санках с привязанными к ним собаками.

К государственным обрядам профессионального значения относятся отмечаемые по ведомственно-отраслевому признаку праздники. Если в некоторых случаях они носили локально ограниченный характер, то такой праздник, как день рыбака, имел для большинства аборигенов Амура и Сахалина большое общественное звучание, независимо даже от их прямой профессиональной принадлежности к рыбной отрасли народного хозяйства. Как правило, в этот день проводилось чествование передовиков рыболовецких колхозов, сельчанами устраивалось праздничное застолье, обязательно готовилась свежая уха из накануне пойманной рыбы, организовывались спортивного и развлекательного характера игры, включающие элементы традиционных гонок на лодках, народную борьбу, рыбную ловлю и т. д. Активными участника-

ми праздника являлись не только аборигены, но и люди других национальностей.

Обычно аборигены положительно оценивали этот профессиональный праздник. Данное обстоятельство, на наш взгляд, не случайно, так как сам праздник отвечал исконной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Амура и Сахалина. По словам всех наших информаторов, он воспринимался ими как своеобразное продолжение старинных обрядов кормления воды. В этот день некоторые старики аборигены, не афишируя свои поступки, совершали ритуал кормления хозяина воды. Иногда к осуществлению ритуала привлекались дети дошкольного и младшего школьного возраста. Заметны были детали этого обряда и при проведении конкурса на лучшего рыболова, во время которого большинство его участников, не вникая глубоко в суть производимых ими действий, по установившейся традиции производили, как они тогда в основном утверждали, подкормку рыбы для лучшего ее клева и т. д.

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть следующее. Во-первых, государственная обрядность общегражданского и профессионального значения в 30–80-е годы

XX века у аборигенов Амура и Сахалина представляла собой сложный, многоаспектный, полифункциональный феномен духовной культуры. Это синкретический сплав адаптированной к современным условиям бытия архаической этнической обрядности и стадильно, инокультурно отличной от нее общегражданской мифоритуальной модели.

Во-вторых, феномен современной аборигенной обрядовой культуры заключается, прежде всего, в том, что народная традиция проявляет свою устойчивость и живучесть в самых, казалось бы, неблагоприятных для нее условиях существования и, кроме этого, способность к постоянной трансформации и адаптации в своей культурной среде инородных и даже стадильно отличных мифообрядовых элементов и комплексов.

В-третьих, степень усвоения новой мифологии и обрядности в этнокультурной среде непосредственно соотносится с уровнем готовности народного сознания и реального бытия к инновационному восприятию. Так, среди профессиональной государственной мифологии и обрядности большее значение для аборигенов имели те праздники, которые отражали их исконную хозяйственную и обрядовую практику.